

Субъектный состав страхового правоотношения в системе ОСАГО

© 2010 С.В. Дедиков

старший партнер Общества страховых юристов
советник Московского перестраховочного общества
E-mail: DedikovSV@moscowre.ru

Вопрос о субъектном составе правоотношения, основанного на договоре обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (далее - ОСАГО, обязательное страхование), достаточно часто затрагивается в публикациях о данном виде страхования, но в то же время, как оказалось, эта тема связана с рядом серьезных практических и даже теоретических проблем. Длительное время в системе ОСАГО имели место различные подходы к решению тех или иных проблем, и понадобилось вмешательство Конституционного суда РФ или иных высших судебных инстанций страны для выхода из создавшихся тупиков. При этом некоторые из возникших проблем были решены способом, далеким от оптимального. В рамках настоящей работы предпринята попытка системного исследования правового статуса субъектов договора обязательного страхования и правоотношения, основанного на нем, а также наиболее важных проблем субъектного состава этих отношений.

Ключевые слова: ОСАГО, страховое правоотношение, субъектный состав.

Страховщики в системе ОСАГО

Страховщиком может быть только юридическое лицо, созданное в соответствии с законодательством Российской Федерации для осуществления страхования и получившее лицензию на осуществление обязательного страхования в установленном в нашей стране порядке (ст. 938 ГК РФ, п. 1 ст. 6 закона РФ "Об организации страхового дела в Российской Федерации" (далее - Закон об организации страхового дела), абз. 10 ст. 1 федерального закона "Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств (далее - Закон об ОСАГО)). А.И. Худяков и А.А. Худяков обоснованно выделяют общие и специальные требования к страховщикам ОСАГО: "**Общие** требования - это те, которые предъявляются страховым законодательством к любой организации, осуществляющей страховую деятельность. **Специальные** требования вытекают из законодательства, посвященного именно обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств"¹.

К общим требованиям относятся следующие:

- страховщик должен быть юридическим лицом;
- необходимо, чтобы он был создан специально для осуществления страховой деятельности, что должно найти свое отражение в учредительных документах;
- он должен быть зарегистрирован на территории Российской Федерации в соответствии с ее законодательством.

Специальные характеристики, которым должен отвечать страховщик, имеющий право заключать договоры ОСАГО, уточняются в ст. 21 Закона об ОСАГО, где указывается, что страховщик обязан иметь в каждом субъекте Российской Федерации своего представителя, уполномоченного на рассмотрение требований потерпевших о страховых выплатах и на их осуществление. Кроме того, страховщики в обязательном порядке должны быть членами профессионального объединения страховщиков, действующего в соответствии с Законом об ОСАГО. В настоящее время таким профессиональным объединением является Российский союз автостраховщиков (РСА). Наконец, для допуска страховой компании в систему ОСАГО она должна иметь не менее чем двухлетний опыт работы по страхованию транспортных средств или гражданской ответственности автовладельцев.

Совершенно излишним выглядит требование о наличии у страховщика приспособленных для занятия массовым видом страхования помещений.

Из указанных норм следует ряд важных выводов:

- 1) страховщиком ОСАГО признаются только российские юридические лица, потому что лишь они могут быть зарегистрированы в соответствии с законодательством России;
- 2) страховщик в обязательном порядке должен иметь специальное разрешение на осуществление обязательного страхования.

Следует отметить, что в п. 1 ст. 32.9 Закона об организации страхового дела, где закреплен

перечень видов страхования для целей лицензирования, такой вид, как ОСАГО, не упоминается. Кстати заметим, что в нем вообще не проводится различий между добровольными и обязательными видами страхования, хотя для последних все чаще законом устанавливается особый правовой режим регулирования, без учета особенностей которого совершать соответствующие сделки невозможно. В этой связи целесообразно было бы в п. 1 ст. 32.9 указанного законодательного акта специально закрепить правило о необходимости получения специальной лицензии на осуществление конкретного вида страхования, если такое страхование обязательно в силу закона.

Страховщик, у которого отозвана лицензия на страховую деятельность вообще или лицензия на осуществление обязательного страхования, утрачивает специальную правоспособность; правда, происходит это частями и не сразу. В силу п. 4 и 5 ст. 32.8 Закона об организации страхового дела со дня вступления в силу решения органа страхового надзора об отзыве лицензии страховая компания не вправе лишь заключать новые договоры страхования, а также вносить изменения, влекущие увеличение ее обязательств по действующим на этот момент договорам, но еще в течение полугода страховая организация вправе производить урегулирование страховых случаев и осуществлять страховые выплаты.

В практике осуществления обязательного страхования возник вопрос о возможности установления солидарной ответственности двух и более страховщиков по договорам ОСАГО, если вред другому лицу был причинен страхователями или застрахованными лицами по таким договорам. Так, потерпевший, которому виновными действиями двух других владельцев транспортных средств был причинен вред в размере 150 тыс. руб., не стал обращаться к страховщикам с заявлением о страховой выплате, а сразу подал иск в суд, причем только к одному причинителю вреда, но при этом потребовал, чтобы с него суд взыскал всю сумму ущерба, так как он и другой виновный владелец транспортного средства несут перед ним солидарные обязательства по возмещению вреда. Суд не стал привлекать к участию в деле ни второго виновного, ни страховые компании, а иск удовлетворил в полном объеме. Затем страхователь, полностью оплатив сумму убытков потерпевшему, подал своему страховщику заявление о выплате страхового возмещения в сумме 150 тыс. руб., хотя страховая сумма по договору обязательного страхования составляет всего 120 тыс. руб.

Действительно, в случае причинения вреда третьему лицу в результате взаимодействия не-

скольких источников повышенной опасности их владельцы несут перед потерпевшим солидарную ответственность (ч. 1 п. 3 ст. 1079 ГК РФ). В соответствии с нормой п. 1 ст. 323 ГК РФ при солидарной обязанности должников (в рассматриваемом случае причинителей вреда) кредитор вправе требовать исполнения как от всех должников совместно, так и от любого из них в отдельности, притом как полностью, так и в части долга. Поэтому суд вполне правомерно взыскал с одного из солидарных должников всю сумму вреда.

Может ли страховщик в такой ситуации выплатить 120 тыс. руб.? Полагаю, что нет. По договору обязательного страхования страхуется гражданская ответственность страхователя, других лиц, указанных в полисе, а также всех иных законных владельцев соответствующего транспортного средства, но не других потенциальных причинителей вреда. Солидарной обязанности у страховщиков, в отличие от солидарной ответственности, у причинителей вреда не возникает. Это связано с тем, что вообще солидарная обязанность возникает, если солидарность обязанности или требования предусмотрена договором или законом (п. 1 ст. 322 ГК РФ). Договор ОСАГО солидарную ответственность страховщика перед другим страховщиком предусматривает, по определению, не может, так как каких-либо договорных отношений между страховщиками в данном случае не возникает. Нет положений о солидарной обязанности страховых компаний и в Законе об ОСАГО. Поэтому взыскание в порядке солидарной ответственности со страхователя суммы, превышающей размер его гражданской ответственности, не может приводить к увеличению обязательств страховой компании. Выплата сверх 75 тыс. руб. в нашем случае не будет иметь статуса страховой выплаты, не может относиться страховщиком на экономически обоснованные расходы, т.е. он может производить ее лишь из прибыли после налогообложения. Другими словами, правомерной в анализируемой ситуации может считаться лишь страховая выплата в размере 75 тыс. руб. Остальные 75 тыс. руб. страхователь, с которого суд взыскал всю сумму вреда, может потребовать в порядке регресса (обратного требования) с другого причинителя вреда (подп. 1 п. 2 ст. 325 ГК РФ). Одним из спорных вопросов, которые возникли в практике применения Закона об ОСАГО, был вопрос о том, может ли страховщик по договору обязательного страхования нести ответственность перед страховщиком по договору автокаско транспортного средства потерпевшего, к которому после выплаты страхового возмещения за повреж-

денное транспортное средство в порядке п. 1 ст. 965 ГК РФ от потерпевшего перешло право требования к лицу, ответственному за убытки (суброгация). Длительное время к решению этого вопроса существовали разные подходы. Одни суды исходили из формального толкования п. 1 ст. 965 Кодекса, где, как отмечалось, предусматривается переход права требования к лицу, ответственному за наступление страхового случая. Поскольку страховщик по договору обязательного страхования деликвентом не является, постольку суды считали, что он не несет ответственности в порядке суброгации.

Другие суды отталкиваются от нормы п. 2 ст. 965 ГК РФ, где говорится, что перешедшее к страховщику по договору каско право требования осуществляется им с соблюдением правил, регулирующих отношения между страхователем (выгодоприобретателем) и лицом, ответственным за наступление страхового случая. При наличии у причинителя вреда договора ОСАГО потерпевший вправе предъявить требование о компенсации убытков либо лицу, ответственному за их возникновение, либо страховщику, выдавшему причинителю вреда полис обязательного страхования.

Точка в данном противостоянии мнений была поставлена 29 августа 2006 г., когда Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ принял постановление № 1075/06. Фабула дела такова. Страховая компания (далее - страховщик потерпевшего, страховщик по полису каско) обратилась в арбитражный суд с иском к страховому обществу (далее - страховщик причинителя вреда, страховщик по полису ОСАГО) о взыскании суммы, выплаченной истцом в виде страхового возмещения по договору страхования. Решением суда первой инстанции, оставленным в силе постановлением суда апелляционной инстанции, иск был удовлетворен. Федеральный арбитражный суд своим постановлением решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменил и в иске отказал. Суд указал, что законом не предусмотрено обращение страховщика потерпевшего непосредственно к страховщику причинителя вреда. Предъявление требования возможно исключительно к лицу, несущему ответственность за причиненный ущерб, каковым не является страховщик по полису ОСАГО. Права страховщика потерпевшего на предъявление иска к страховщику причинителя вреда на основании п. 4 ст. 931 ГК РФ суд не признал, поскольку страховая компания не является в спорных отношениях потерпевшим лицом. В заявлении, поданном в ВАС РФ, о пересмотре в порядке надзора названного

постановления суда кассационной инстанции страховщик по полису ОСАГО просил его отменить как принятое с нарушением норм материального права и интересов причинителя вреда и страховщика потерпевшего.

Президиум ВАС РФ пришел к выводу, что указанное постановление суда кассационной инстанции подлежит отмене, а решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции - оставлению без изменения.

Согласно ст. 965 ГК РФ к страховщику, выплатившему страховое возмещение, переходит в пределах выплаченной суммы право требования, которое страхователь имеет к лицу, ответственному за убытки, возмещенные в результате страхования (суброгация). При суброгации происходит перемена лица в обязательстве на основании закона (ст. 387 ГК РФ), поэтому перешедшее к страховщику право осуществляется им с соблюдением правил, регулирующих отношения между страхователем и ответственным за убытки лицом.

Таким образом, выплатив страховое возмещение потерпевшему, страховщик занял его место в отношениях вследствие причинения вреда и получил право требования возмещения ущерба. Поскольку ответственность причинителя вреда застрахована в силу обязательности ее страхования, постольку страховщик по полису каско получил право требования возмещения вреда непосредственно со страховщика причинителя вреда на основании закона (п. 4 ст. 931 ГК РФ)².

Думается, что в системе обязательного страхования право требования в порядке суброгации страховщика, осуществившего выплату по полису каско, к страховщику по полису ОСАГО должно признаваться. Это существенно упрощает всю систему отношений и, в частности, наилучшим образом защищает интересы страхователей, которые игнорировать было бы неверно, хотя они и имеют здесь второстепенное значение.

Страхователи по договорам ОСАГО

Страхователем признается лицо, заключившее договор страхования со страховщиком (абз. 9 ст. 1 Закона об ОСАГО) и, как правило, принимающее на себя обязательство по уплате страховой премии. Страхователем по договору ОСАГО может выступать любой дееспособный гражданин, иностранный гражданин и лицо без гражданства, а также любое юридическое лицо. Организация, не обладающая статусом юридического лица, например филиал юридического лица, страхователем быть не может.

На первом этапе развития обязательного страхования некоторые страховщики считали, что

страхователем по договору ОСАГО может быть только владелец транспортного средства, имеющий водительские права. Однако такая практика не была основана на нормах закона, который не содержал каких-либо специальных требований к страхователям. К тому же такая практика приводила к нарушению прав граждан, поскольку договоры обязательного страхования являются публичными, и страховщик обязан заключить такую сделку с любым, кто у нему обратиться с подобным предложением.

В первые годы существования системы обязательного страхования велись дискуссии относительно того, может ли гражданин или юридическое лицо заключить несколько договоров ОСАГО, в которых указывается одно и то же транспортное средство. Отдельные юристы считали, что поскольку речь идет об обязательном страховании, постольку, как только субъект исполнил свою обязанность, в дальнейшем уже ни о каком обязательном страховании речи быть не может. Но со временем, учитывая, что прямого запрета в законодательстве на этот счет не содержится, страховой рынок стал более лояльно воспринимать подобные ситуации, и на практике подчас встречаются случаи заключения одним лицом нескольких договоров ОСАГО применительно к одному транспортному средству.

В практике ОСАГО возникла серьезная проблема, которая, на наш взгляд, пока решается самым некорректным образом. Имеется в виду вопрос о праве страхователя по договору обязательного страхования предъявить страховщику требование о выплате страхового возмещения, если страхователь добровольно или по решению суда сам возместил вред потерпевшему. Следует сказать, что в Законе об ОСАГО в основном говорится о праве потерпевшего (выгодоприобретателя) предъявить требование страховщику о возмещении вреда. Так, в абз. 7 ст. 1 закреплено определение страхового договора, в котором сказано, что страховщик обязан за обусловленную договором плату при наступлении страхового случая возместить потерпевшим причиненный вред в пределах страховой суммы. В п. 1 ст. 13 названного закона указывается, что потерпевший имеет право предъявить страховщику требование о страховой выплате и представляет необходимые для этого документы. Все это дало основание страховщикам встать на позицию, в силу которой они не признают за страхователями самостоятельного права требования к ним о выплате страхового возмещения.

Судебная практика пошла при решении указанного вопроса самым простым, но и самым неблагоприятным для участников страхового пра-

воотношения путем. В Обзоре законодательства и судебной практики за первый квартал 2006 г., утвержденном Президиумом Верховного суда РФ в июле 2006 г., в ответе на соответствующий вопрос суд указал, что в случае, если страхователь по договору ОСАГО добровольно возместил потерпевшему вред от дорожно-транспортного происшествия, его требования к страховщику о выплате подлежат удовлетворению как требование о взыскании неосновательного обогащения и при условии доказанности страховщиком факта уступления страхового случая и размера причиненного вреда. Высшая инстанция судов общей юрисдикции привела при этом следующие аргументы. Согласно абз. 7 ст. 1 Закона об ОСАГО страховщик обязан при наступлении страхового случая возместить потерпевшим причиненный вред в пределах страховой суммы. Таким образом, на страховщика лежит обязанность произвести выплату непосредственно потерпевшему. В то же время, отмечает Верховный суд, согласно п. 2 ст. 11 этого законодательного акта, возмещать причиненный потерпевшему вред не запрещено и страхователю. Данное положение закона обязывает страхователя сообщить страховщику о случаях причинения вреда, которые могут повлечь за собой гражданскую ответственность. Причем, как говорится в п. 2 ст. 11, “до удовлетворения требований потерпевших о возмещении причиненного им вреда” страхователь “должен предупредить об этом страховщика и действовать в соответствии с его указаниями, а в случае, если страхователю предъявлен иск, привлечь страховщика к участию в деле”. В противном случае страховщик вправе выдвинуть в отношении требования о выплате возражения, которые он имел в отношении требований о возмещении причиненного вреда. Если страхователь самостоятельно возместит потерпевшему вред, он сберегает страховщику денежные средства, которые тот обязан был выплатить потерпевшему при наступлении страхового случая. Поэтому требования страхователя о выплате данных сумм страховщиком обоснованны и исходят из положений ст. 1102 ГК РФ, регулиующей вопросы возврата неосновательного обогащения.

Такая позиция при безусловной правильности основного вывода об обязанности страховщика произвести выплату страхователю не может не вызывать серьезной критики. Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что подобная практика вызывает очень серьезные негативные последствия и для страхователя, и для страховщика. Для страхователя это доход, который подлежит налогообложению. Страховщик же такую выплату может отнести только на собственные

средства, т.е. фактически каждый раз платит сумму налога на прибыль больше. Если же соответствующий риск перестрахован, то перестраховщик не сможет произвести выплату страхового возмещения страховщику в рамках договора перестрахования, поскольку в соответствии с п. 1 ст. 967 ГК РФ перестраховываются только риски страховой выплаты, а ее здесь нет, соответственно, нет и страхового случая по перестраховочной сделке³.

Надо также учитывать, что страхователь является кредитором в страховом обязательстве и у него, как мы полагаем, в такой ситуации есть право требования к страховщику именно в рамках страховых правоотношений. Что с правовой точки зрения означает предъявление потерпевшим требования о возмещении вреда не страховой компанией, а страхователю или застрахованному лицу? По нашему мнению, это не что иное, как отказ третьего лица, в чью пользу заключен договор страхования, от своих прав по сделке. Следовательно, вступает в действие норма п. 4 ст. 430 ГК РФ, согласно которой в случае, когда третье лицо отказалось от своего права, предоставленного ему по договору, кредитор может воспользоваться данным правом, если это не противоречит закону, иным правовым актам и договору. Закону об ОСАГО это не противоречит, так как в п. 2 ст. 11 действительно, пусть и в косвенной форме, предусмотрено право страхователя на предъявление требования страховщику. Но этот закон не может регулировать отношения по неосновательному обогащению. Следовательно, речь идет здесь именно о требовании о страховой выплате, а не о взыскании неосновательного обогащения. К тому же, следует учитывать, что в п. 1 ст. 929 ГК РФ говорится об обязанности страховщика по договору страхования гражданской ответственности при наступлении страхового случая возместить убытки страхователя. На наш взгляд, право требования о взыскании неосновательного обогащения применительно к сделке является вспомогательным и применяется в том случае, когда прямое требование по сделке не может быть реализовано. Вот почему считали целесообразным изменение практики судов в этой части. Судам следует взыскивать со страховщика в подобной ситуации не неосновательное обогащение, а страховое возмещение в рамках договора ОСАГО.

В практике обязательного страхования возник вопрос о том, каковы правовые последствия того, что в полисе не указан в качестве лица, допущенного к управлению транспортным средством, страхователь? Большинство страховщиков в таких ситуациях вставали на формальную позицию, мол,

страхователь принял договор ОСАГО, в котором не указан среди застрахованных лиц, стало быть, согласился с этим условием. Однако подобный подход представляется ошибочным.

Прежде всего, отметим, что фактически существенное условие договора обязательного страхования об ограниченном использовании транспорта по числу лиц, допущенных к управлению им (п. 1 ст. 16 Закона об ОСАГО), в стандартном заявлении о заключении договора и страховом полисе низведено до уровня сугубо технической информации: “К управлению ТС допущены: любые водители (без ограничений), только следующие водители (нужное подчеркнуть)...” и “лица, допущенные к управлению ТС (для ТС, принадлежащих гражданам) без ограничений, только следующие водители (нужное подчеркнуть)...”. В таком контексте многие страхователи вполне могут и не придать сколько-нибудь серьезного значения указанным позициям. К тому же здесь очень легко допустить сугубо техническую ошибку: забыли подчеркнуть нужное, подчеркнули не то, что на самом деле хотели, что-то вообще не так поняли. Представляется, что подобных опасностей было бы на порядок меньше, если бы и в заявлении, и в страховом полисе были бы воспроизведены положения п. 1 ст. 16 Закона об ОСАГО, например, в таком варианте: “Настоящий договор страхования заключается на условиях ограниченного использования транспортных средств: 1) управления транспортным средством только следующими лицами: а) страхователем; б) другими водителями: (указывается фамилия, имя, отчество каждого водителя); 2) сезонного использования транспортного средства (в течение шести или более месяцев в календарном году (указать точно число месяцев)”. Если сам страхователь оспаривает такую конструкцию договора, то, с формально-правовой точки зрения, анализируемое условие нельзя считать согласованным и, по общему правилу, договор не может считаться заключенным, так как для этого требуется согласование сторонами всех его существенных условий (п. 1 ст. 432 ГК РФ). Незаключенный договор не порождает каких-либо прав и обязанностей его участников. В указанной ситуации такой сценарий мало что меняет в положении страхователя, так как ему тогда придется самому возмещать вред, причиненный потерпевшему. Однако рассматриваемое условие, хотя и является существенным, но имеет определенную специфику. Действительно, оно должно в обязательном порядке включаться в договор страхования по требованию гражданина - страхователя. Страховщик не имеет права не согласиться с включением данного

положения в договор ОСАГО, он просто обязан исполнить требование клиента. Таким образом, здесь отсутствует элемент согласования указанного условия, потому принципиально важным является именно волеизъявление страхователя. Поэтому, когда страхователь утверждает, что о включении в договор такого условия не заявлял, то именно данное обстоятельство имеет существенное значение. Другими словами, указанное условие в такой ситуации включено в договор по воле сотрудника страховой компании. Но подобная возможность законом не предусмотрена. Поэтому представляется, что имеются все основания говорить о ничтожности данного условия на основании ст. 168 ГК РФ, поскольку оно включено в текст договора в нарушение порядка, установленного законом. Как известно, в силу ст. 180 ГК РФ недействительность части сделки не влечет недействительность прочих ее частей, если можно предположить, что сделка была бы совершена и без включения недействительной ее части.

Определенную сложность в страховой практике вызвал вопрос о том, может ли страхователь потребовать приостановления выплаты страхового возмещения, если не согласен с позицией страховщика по поводу распределения ответственности участников ДТП.

Договор ОСАГО представляет собой сделку в пользу третьего лица. Таким договором признается соглашение, в котором стороны установили, что должник обязан произвести исполнение не кредитору (в нашем случае - страхователю), а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу. Отличительной чертой такого рода контрактов служит существенное ограничение прав участников сделки после того, как третье лицо выразило должнику намерение воспользоваться своим правом по договору. Закон, в частности, запрещает им в этой ситуации расторгать или изменять договор. Тем более, стороны не могут этого делать, когда императивная норма закона прямо обязывает страховщика исполнить свою обязанность в жестко установленные сроки, как это имеет место в системе ОСАГО. Поэтому страхователь не может потребовать приостановления страховщиком страховой выплаты. Другое дело, если доводы страхователя в страховой компании расценены как убедительные. В этом случае страховщик может изменить свое первоначальное мнение и отказать потерпевшему в страховой выплате. Конечно, здесь также существует риск того, что это решение суд не поддержит. Поэтому выбор остается за самим страховщиком.

Выгодоприобретатели по договорам ОСАГО

Следует учитывать, что круг субъектов страхового правоотношения в системе ОСАГО шире круга субъектов договора страхования - сюда входят выгодоприобретатели, т.е. лица, в пользу которых заключен договор, а также могут входить застрахованные лица, т.е. лица, гражданская ответственность которых застрахована, но которые не являются страхователями.

Правовой статус выгодоприобретателя. Выгодоприобретателями называются лица, в пользу которых заключен договор. В системе обязательного страхования это лица, жизни или здоровью либо имуществу которых причинен вред при эксплуатации транспортного средства, в том числе пешеход, водитель транспортного средства, которым причинен вред, и пассажир транспортного средства - участник дорожно-транспортного происшествия (абз. 6 ст. 1 Закона об ОСАГО). Причем по договорам страхования гражданской ответственности за причинение вреда третьим лицам выгодоприобретателей назначил законодатель - это всегда потерпевшие (п. 3 ст. 931 ГК РФ).

В.И. Серебровский определял выгодоприобретателя как "лицо, которому страховщик должен по договору выплатить страховое возмещение"⁴. М.И. Брагинский, так же, как и В.И. Серебровский, относит выгодоприобретателей в договорах страхования к числу третьих лиц, о которых идет речь в ст. 430 ГК РФ⁵. Иную точку зрения высказывает В.В. Смирнов, который уверен, что "если в договоре страхования указано лицо, которое назначено для получения страховой выплаты, то такой договор не есть договор в пользу третьего лица, а есть договор всего лишь с исполнением третьему лицу"⁶.

Согласиться с тем, что договор страхования, в котором указан выгодоприобретатель, - это сделка с исполнением третьему лицу, сложно, так как по общему правилу такое лицо не может обладать правом требования к должнику, а занимает исключительно пассивную позицию как лицо, которое должно принять исполнение обязательства и не более того. Поэтому по своей правовой природе положение выгодоприобретателя ближе к положению третьего лица, в пользу которого заключен договор⁷.

Важное правовое значение имеет вопрос о соотношении понятий "потерпевший" и "выгодоприобретатель". Так, серьезная правовая проблема в системе ОСАГО связана с недостаточной определенностью понятия "причинение вреда другим лицам". Другим по отношению к кому? К страхователю по полису ОСАГО? К страхователю и застрахованным лицам? К водителю транспортного средства, причинившему вред?

Здесь возможны два подхода. Первый - формальный, согласно которому другими лицами следует признать всех, чья ответственность не покрывается договором обязательного страхования. Вторая основана на том, что другим является любое лицо, кроме непосредственного причинителя вреда.

Судебная практика пошла по второму пути, и суды стали признавать потерпевшими любое лицо, которому причинен вред, в том числе страхователей по договорам ОСАГО, если вред им причинен при эксплуатации транспортного средства, указанного в полисе обязательного страхования, застрахованным лицом. Может быть потерпевшим и застрахованное лицо, когда вред ему причинен страхователем. Такой подход следует признать в большей степени соответствующим конституционному принципу системы ОСАГО усиления гарантии возмещения потерпевшим вреда, причиненного при использовании транспортных средств другими лицами.

Более сложным является вопрос о потерпевших, когда нанесен ущерб общей совместной собственности нескольких лиц. Общая совместная собственность, в отличие от долевой, может возникнуть лишь в случаях, прямо предусмотренных законом. В ГК РФ закреплены два вида совместной собственности - имущество супругов, нажитое во время брака, и имущество членов крестьянского (фермерского) хозяйства. Такой статус имущества означает, что доли в совместном имуществе не определены и все собственники владеют, пользуются и распоряжаются им сообща. Поскольку распределение долей собственников такого поврежденного в результате ДТП имущества в рамках отношений по обязательному страхованию невозможно, то потерпевшими необходимо признать всех его собственников. Если одним из собственников поврежденного имущества является владелец транспортного средства, то он в число потерпевших также не входит.

Особую сложность для определения потерпевшего представляют случаи, когда владелец транспортного средства причинил вред жизни или здоровью членом своей семьи либо имуществу своей семьи или членом своей семьи. В Законе об ОСАГО нет положений об исключении таких потерпевших.

Когда речь идет об имуществе семьи, то при этом необходимо учитывать его правовой статус. Имущество, нажитое супругами в период брака, является их совместной собственностью (п. 1 ст. 256 ГК РФ, п. 1 ст. 34 Семейного кодекса РФ) при условии, что оно не было разделено в порядке, установленном ст. 38 СК РФ, -

по соглашению супругов, требованию одного из них или по требованию кредитора с целью обращения взыскания на долю одного из супругов. Имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак, а также полученное во время брака в дар, в порядке наследования или по иным безвозмездным сделкам, является его собственностью (п. 2 ст. 256 ГК РФ, п. 1 ст. 36 СК РФ). Вещи индивидуального пользования (одежда, обувь, туалетные принадлежности и т.п.) являются собственностью того супруга, который ими пользовался или пользуется (абз. 2 п. 2 ст. 256 ГК РФ, п. 2 ст. 36 СК РФ). Однако закон делает исключение из этого правила для предметов роскоши и драгоценностей, которые относятся к совместной собственности мужа и жены. Имущество каждого из супругов может перейти в их общую собственность, если в период брака за счет общего имущества семьи или имущества другого супруга были произведены вложения (например, был произведен капитальный ремонт или реконструкция, переоборудование и т.п.), значительно увеличивающие его стоимость (абз. 3 п. 2 ст. 256 ГК РФ). Наконец, принадлежность нажитого в период брака конкретного имущества одному из супругов может быть установлена и брачным контрактом (п. 1 ст. 42 СК РФ).

Таким образом, если вред причинен имуществу, принадлежащему другому супругу, то тот должен признаваться потерпевшим в рамках отношений по обязательному страхованию гражданской ответственности. Если повреждено или уничтожено имущество, находящееся в собственности супруга виновного владельца транспортного средства, то он будет потерпевшим по общим правилам, если ущерб причинен имуществу, находящемуся в общей долевой собственности супругов, то второй супруг будет потерпевшим в части своей доли. Когда ущерб причинен совместному имуществу супругов, то второй супруг также является потерпевшим.

В данном случае возникает практический вопрос, в какой доле поврежденного имущества он должен признаваться потерпевшим? Для получения ответа на этот вопрос следует руководствоваться положениями п. 1 ст. 39 СК РФ, где говорится, что при разделе общего имущества супругов и определении долей в нем их доли признаются равными, если иное не предусмотрено договором между ними. Поэтому при отсутствии договора второй супруг будет считаться потерпевшим в размере половины поврежденного имущества, а при наличии такого договора - в доле, установленной его условиями. Следует принимать во внимание лишь те брачные контракты, которые заключены и удостове-

рены у нотариуса до момента наступления страхового события.

Еще одна правовая неопределенность обнаружилась в правоприменительной практике в вопросе о том, являются ли потерпевшими лица, потерявшие кормильца, наследники и т.д. Так, в одном ДТП с участием КАМАЗа и двух легковых автомашин один владелец легковой автомашины погиб, а владелец другого такого транспортного средства получил телесные повреждения. Естественно, были повреждены и их транспортные средства, а также иное имущество: их одежда, некоторые другие вещи, находившиеся в машинах. Виновным в ДТП был признан водитель КАМАЗа. При обращении в страховую компанию, выдавшей полис ОСАГО владельцу КАМАЗа за возмещением вреда адвокат, представляющий интересы двоих иждивенцев погибшего в ДТП лица, требовал признать каждого из них потерпевшим, что предполагало бы перераспределение страхового возмещения в их пользу. При этом адвокат ссылаясь на п. 4 ст. 11 Закона об ОСАГО, согласно которому положения данного законодательного акта, касающиеся потерпевших, применяются в отношении лиц, понесших ущерб в результате смерти кормильца, наследников потерпевших и других лиц, которые в соответствии с гражданским законодательством имеют право на возмещение вреда, причиненного им при использовании транспортных средств иными лицами.

Оснований считать иждивенцев и наследников потерпевшими все-таки нет. Во-первых, если бы законодатель имел в виду определить лиц, потерявших кормильца, как потерпевших, то это, видимо, следовало сделать в ст. 1 Закона об ОСАГО, где в абз. 6 дано определение потерпевшего: "Лицо, жизни, здоровью или имуществу которого был причинен вред при использовании транспортного средства иным лицом". Ст. 11 посвящена регулированию сугубо конкретных отношений, а именно действиям страхователей и потерпевших при наступлении страхового случая. Включение в нее определения потерпевших явно не согласовалось бы с ее предметом. К тому же, согласно правилам законодательской деятельности, один и тот же по существу вопрос не должен решаться в двух разных статьях закона.

Во-вторых, при всем желании мы не сможем провести какой-либо вразумительной параллели между причинением вреда жизни, здоровью или имуществу, что является основным квалифицирующим признаком института потерпевших, и потерей содержания, которое квалифицирует статус лица, понесшего ущерб в связи со смертью кормильца.

В-третьих, категория "потерпевший" неразрывно связана с вредоносным воздействием на личность или имущество транспортных средств. Здесь же причинение ущерба носит опосредованный характер, так как выражается в утрате содержания в результате смерти потерпевшего.

В-четвертых, как мы видим, в норме п. 4 ст. 11 Закона об ОСАГО упоминаются не только лица, потерявшие кормильца, но и наследники, а также иные лица, имеющие право на возмещение вреда. Если рассматривать данную норму как правило об определении потерпевшего, то необходимо признать, что оно не носит закрытого и четкого характера. Между тем законодательская техника не допускает такого положения вещей. Определения, даваемые в законе, должны носить закрытый характер. Кроме того, наследников и иных лиц, имеющих право на получение возмещения в связи со смертью потерпевшего, еще труднее отнести к числу потерпевших.

В-пятых, следует иметь в виду, что и гражданское законодательство проводит довольно четкую грань между понятиями "потерпевший" и "лицо, понесшее ущерб в результате смерти кормильца". Так, п. 1 ст. 1088 ГК РФ содержит следующее положение: "В случае смерти потерпевшего (кормильца) право на возмещение вреда имеют..." Законодатель, предоставляя лицам, потерявшим кормильца, право на возмещение вреда, тем не менее, не относит их напрямую к числу потерпевших.

На наш взгляд, норма п. 4 ст. 11 Закона об ОСАГО относится исключительно к правам и обязанностям потерпевшего в отношениях со страховщиком, т.е. она наделяет ими в том числе и лиц, понесших ущерб в результате смерти кормильца, но, повторим, отнюдь не делает их самими потерпевшими.

Проблема замены выгодоприобретателя в договорах ОСАГО. В соответствии со ст. 956 ГК РФ страхователь вправе заменить выгодоприобретателя, названного в договоре страхования, другим лицом, письменно уведомив об этом страховщика. Замена выгодоприобретателя по договору личного страхования, назначенного с согласия застрахованного лица (п. 2 ст. 934), допускается лишь с согласия этого лица. Такая замена не может быть произведена после того, как выгодоприобретатель выполнил какую-либо из обязанностей по договору страхования или предъявил страховщику требование о выплате страхового возмещения или страховой суммы.

Поскольку в приведенной статье не делается исключений для договоров обязательного страхования гражданской ответственности, то получается, что страхователь и по этим договорам

имеет право на замену выгодоприобретателя. Но так ли это?

Анализ правоотношений, складывающихся в системе ОСАГО, приводит к выводу, согласно которому указанная норма в договорах обязательного страхования не действует.

По мнению В.Ю. Абрамова, замена выгодоприобретателя в договорах страхования ответственности не может быть осуществлена, поскольку особенность правового положения таких выгодоприобретателей является то, «что при получении ими страховой суммы в порядке возмещения вреда, причиненного их жизни или здоровью, учитывается также ущерб, неразрывно связанный с их личностью»⁸. Далее он ссылается на ст. 383 ГК РФ, запрещающую уступку права требования, неразрывно связанного с личностью кредитора.

По договорам страхования гражданской ответственности за причинение вреда другим лицам, включая и договоры ОСАГО, страхователь вообще не имеет права заменять выгодоприобретателя, но не только по той причине, что он назначен императивной нормой закона. Главная причина, полагаем, в том, что здесь выгодоприобретатель определен общим родовым признаком - им является любой потерпевший. Если попытаться заменить выгодоприобретателя до момента наступления страхового случая на другое лицо, то им мог бы быть только тот, кто не является потерпевшим. Такая же конструкция договора обязательного страхования невозможна в принципе, потому что означала бы возможность получения таким лицом дохода в результате осуществления рискованного страхования, что противоречит природе страхования.

Ссылка В.Ю. Абрамова на положения ст. 383 ГК РФ представляется необоснованной, так как, во-первых, эта статья не охватывает случаев причинения вреда имуществу (вред имуществу, думается, вообще нельзя считать неразрывно связанным с личностью собственника или иного законного владельца), а во-вторых, и это главное, цессия (уступка права требования) и замена выгодоприобретателя - разные гражданско-правовые институты.

С учетом сказанного целесообразно в ГК РФ специально оговорить, что замена выгодоприобретателя по договорам страхования деликтной ответственности вообще и договорам ОСАГО в частности страхователем произведена быть не может.

Застрахованное лицо в договоре страхования гражданской ответственности

Понятие застрахованного лица. В соответствии с нормой п. 1 ст. 931 ГК РФ по договору страхования риска ответственности по обязатель-

ствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц, может быть застрахован риск ответственности самого страхователя или иного лица, на которое такая ответственность может быть возложена. В то же время п. 1 ст. 955 Кодекса упоминает лицо, чья ответственность застрахована по договору страхования риска ответственности, оно не является страхователем, а в названии данной статьи речь идет о «замене застрахованного лица». Таким образом, существуют все основания говорить о том, что законодатель определяет такое лицо в договорах страхования ответственности именно как застрахованное лицо. Следует подчеркнуть, что и для назначения застрахованного лица по договору ОСАГО его согласия не требуется. На практике это вообще часто происходит по факту предоставления другому лицу права пользования транспортным средством.

В литературе единства в вопросе о правомерности применения как института застрахованного лица, так и соответствующего термина в страховании ответственности нет. В частности, В.И. Серебровский считал, что «застрахованное лицо может участвовать только в договоре личного страхования»⁹. В.С. Белых и И.В. Кривошеев утверждают, что «застрахованное лицо как самостоятельный субъект проявляется только в личном страховании, то есть предметом страховой охраны будут являться жизнь и здоровье застрахованного лица»¹⁰. А.В. Собакинских еще более категоричен: «Указанный термин - категория личного страхования, а не страхования имущества, к которому относится и страхование ответственности. В имущественном страховании страхуется не лицо, а его имущественный интерес, поэтому к данному лицу не может здесь применяться термин «застрахованный»»¹¹. Некоторые авторы пытаются занять компромиссную позицию. Например, А.А. Иванов определяет застрахованное лицо как «физическое лицо, жизнь или здоровье которого застрахованы по договору личного страхования или страхования ответственности»¹².

Ряд авторов не видят каких-либо принципиальных проблем с применением термина «застрахованное лицо» во всех видах страховых договоров. Так, Н.С. Ковалевская полагает, что «застрахованное лицо - это лицо, в жизни которого должен произойти страховой случай, непосредственно связанный с личностью или обстоятельствами его жизни (личное страхование) либо затрагивающий сохранность его имущественных прав и имущества (имущественное страхование)»¹³. Ю.Б. Фогельсон указывает: «Застрахованные лица, не являющиеся страхователями,

встречаются в различных видах страхования. Из названных в гл. 48 ГК - в договорах страхования имущества, ответственности за причинение вреда, личного страхования"¹⁴. В.Ю. Абрамов подчеркивает: "В страховой практике фигура застрахованного лица встречается и применяется также в другом виде (объекте) страхования, в котором данное лицо выступает только в качестве застрахованного, не являясь при этом ни страхователем, ни выгодоприобретателем... Речь идет о застрахованных лицах, назначаемых страхователями в имущественном виде страхования, в частности, при страховании ответственности за причинение вреда"¹⁵. Такое же мнение высказывает А.И. Худяков: "...во-первых, отсутствие в той или иной статье, посвященной тому или иному виду страхования, упоминания о "застрахованном лице" вовсе не является свидетельством того, что такого лица при данном виде страхования не существует, во-вторых, застрахованное лицо может быть фигурой как личного, так и имущественного страхования..."¹⁶.

Представляется, что в данном случае мы имеем не столько спор по существу вопроса, сколько спор о правильности операционального определения, данного законодателем. Но ведь операциональное определение дается исключительно в целях удобства, поэтому вообще ставить вопрос о правильности такого определения не имеет смысла. Речь может идти исключительно о целесообразности применения к лицам, не являющимся страхователями и чья ответственность страхуется, термина, идентичного определению лица, застрахованного по договору личного страхования. Поскольку пока более подходящего термина для обозначения таких субъектов правоотношения, основанного на договоре страхования внедоговорной ответственности, включая договор ОСАГО, не подобрано, то применение словосочетания "застрахованное лицо" вполне решает указанную проблему в практическом плане. При этом просто следует учитывать, что застрахованное лицо в сфере страхования ответственности - это лицо, у которого застрахованы имущественные интересы, связанные с возможностью наступления его гражданской ответственности за причинение вреда другим лицам.

Что же касается целесообразности введения такого института в данный вид страхования, то возражений по этому поводу в доктрине не встречается. Действительно, подобное решение расширяет круг субъектов гражданского оборота, чья гражданская ответственность защищена страхованием. Особенно наглядно это проявляется в сфере ОСАГО, где число застрахованных лиц в несколько раз превышает количество страхова-

телей. Указанная конструкция позволяет, и это самое важное, существенно усилить защиту имущественных интересов потерпевших, тем самым способствуя повышению стабильности общественных отношений.

Правовой статус застрахованного лица тоже носит дискуссионный характер. Отдельные авторы относят застрахованное лицо к числу третьих лиц. Например, М.И. Брагинский считает, что при определенной конструкции договора страхования гражданской ответственности застрахованное лицо является фактически выгодоприобретателем, т.е. третьим лицом¹⁷. А.И. Худяков дает следующее определение понятия данного лица: "...застрахованное лицо - это предусмотренное договором страхования третье лицо, определенное событие в жизни или в материальном положении которого выступает в качестве юридического факта (страхового случая), порождающего обязанность страховщика по страховой выплате"¹⁸. А.К. Шихов также относит застрахованных лиц в категорию третьих лиц, наряду с выгодоприобретателями¹⁹.

В.И. Серебровский считал целесообразным в некоторых случаях выделить категорию застрахованного лица в особую группу "четвертых лиц" - он писал, что застрахованным лицом "может быть страхователь, выгодоприобретатель и четвертое лицо"²⁰.

Рассматривать застрахованное лицо как третье лицо, т.е. как выгодоприобретателя по договору страхования, по нашему мнению, неверно, так как застрахованный в договорах страхования гражданской ответственности никогда не может быть третьим лицом или выгодоприобретателем, т.е. лицом, в чью пользу осуществлено страхование, - в силу п. 3 ст. 931 ГК РФ в таких договорах третьим лицом всегда является потерпевший. По общему правилу, застрахованное лицо не имеет и права требования к страховщику, поскольку не является ни кредитором в договоре, ни третьим лицом, в пользу которого заключена сделка. Поэтому следует согласиться с позицией В.И. Серебровского о необходимости выделения застрахованного лица, не являющегося страхователем или выгодоприобретателем, а именно таковым является застрахованное лицо в договорах ОСАГО, в особую категорию лиц в гражданском праве. Учитывая, что для них пока в законе не введено общепризнанное название, можно говорить или о четвертых лицах, или об иных лицах. Нужно подчеркнуть, что отсутствие у застрахованного лица права требования к страховщику, когда оно возместило причиненный потерпевшему вред, создает своеобразную ситуацию при обязательном страховании. Не имея

права требовать от страховщика выплаты страхового возмещения, застрахованное лицо может ставить вопрос о взыскании со страховщика неосновательного обогащения. Но это не более, чем “латание дыр”.

Возможно ли в принципе наделение застрахованного лица правом требования к страховщику? М.И. Брагинский для положительного ответа на этот вопрос разработал специальную теорию о двух видах страхования ответственности: страхования собственно ответственности, когда страховым случаем является наступление ответственности, и страхования опасности причинения вреда, в рамках которого страховым случаем считается сам факт причинения вреда. В развитии этой теории он делает вывод применимости в отношении застрахованного лица правила, предусмотренного п. 4 ст. 932 ГК РФ, в силу которого законом или договором страхования может быть установлено право застрахованного лица на предъявление требования о возмещении вреда напрямую страховщику²¹.

Предлагаемая М.И. Брагинским конструкция назначения по закону страховщика вторым должником наряду с делинквентом по отношению к потерпевшему, по нашему убеждению, небезупречна, так как такая конструкция законодательством предусматривается для договоров в пользу третьего лица.

Как мы считаем, это возникновение права требования к страховщику у застрахованного лица в рамках нынешнего законодательства возможно лишь в случае уступки выгодоприобретателем или страхователем права требования застрахованному лицу. Такое условие, конечно, может быть включено и в сам договор страхования, который в этом случае приобретает характер сложного договора - собственно, договора страхования и договора цессии. Но к самому договору страхования это уже отношения не имеет. Поэтому, как нам представляется, правильнее было бы в целях полного решения указанной проблемы на законодательном уровне установить, что у застрахованного лица после возмещения им причиненного потерпевшему вреда и в пределах выплаченной суммы возникает самостоятельное право требования к страховщику о страховой выплате. Эта норма должна быть императивной, поскольку нет оснований для создания условий, при которых застрахованное лицо, произведя возмещение вреда, было бы по соглашению сторон страховой сделки лишено возможности получить компенсацию связанных с этим расходов. Менее приемлемым выглядит вариант цессии права требования от страхователя к застрахованному лицу на основании закона, но и он в принципе имеет право на существование.

Круг застрахованных лиц по договорам ОСАГО. Требование, закрепленное в п. 2 ст. 931 ГК РФ, о необходимости указания в договоре страхования гражданской ответственности за причинение вреда другим лицам застрахованного лица породило достаточно сложную правовую проблему. Дело в том, что п. 2 ст. 15 Закона об ОСАГО ввел правило, согласно которому по полису обязательного страхования застрахована ответственность владельца транспортного средства, иных лиц, указанных им в договоре обязательного страхования, или неограниченного числа лиц, допущенных владельцем к управлению транспортным средством в соответствии с условиями такого договора, а также других лиц, использующих транспортное средство на законном основании. Как видим, страховая защита распространяется и на застрахованных лиц, не указанных в договоре страхования.

Формальное противопоставление п. 2 ст. 15 Закона об ОСАГО и п. 2 ст. 931 ГК РФ привело к тому, что вначале практически все страховщики и большинство судов как общей юрисдикции, так и арбитражных отказывали потерпевшим в удовлетворении их требований о выплате страхового возмещения, если за рулем транспортного средства находилось лицо, не указанное в полисе ОСАГО²².

Такой подход судов нашел понимание и поддержку у некоторых авторов. Например, Ю.С. Овчинникова, отталкиваясь от права страховщика на регрессное требование к причинителю вреда, не указанному в договоре обязательного страхования, заключенного на условиях ограниченного использования транспортного средства по числу лиц, допущенных к управлению транспортным средством, приходит к парадоксальному выводу, что поскольку с этого лица взыскивается вся сумма страхового возмещения, уплаченного страховщиком, следовательно, нет оснований говорить о действующей в этом случае страховой защите. Она, в частности, указывает: “Таким образом, лицо, не названное в договоре ОСАГО, несет гражданско-правовую ответственность за причинение вреда, а его имущественный интерес не подлежит страховой защите. Именно отсутствие страховой защиты не позволяет квалифицировать субъекта, о котором идет речь, в качестве застрахованного лица”²³. Далее она пишет: “Пункт 2 ст. 15 можно толковать следующим образом. Существует два варианта страхования ответственности - с ограниченным использованием транспортных средств и без ограничений, которые и нашли отражение в тексте п. 2 ст. 15 Закона об обязательном страховании. Формулировка “иного названного в договоре обязатель-

ного страхования владельца транспортного средства” подразумевает ограниченное использование транспортного средства только указанными в договоре водителями, в то время как формулировка “других использующих транспортное средство на законном основании владельцев” - использование транспортного средства неограниченным числом лиц”²⁴.

Некоторые авторы, отмечая коллизию норм Закона об ОСАГО и ГК РФ, избегали делать четкий вывод. Так, А.И. Худяков и А.А. Худяков подмечали: “В результате, становится вовсе непонятным, что из себя представляет третья категория лиц, чья ответственность застрахована, которые являются владельцами транспортных средств, но в то же время не являются страхователями. Если под ними подразумеваются те владельцы транспортного средства, которые в отличие от второй категории застрахованных лиц не названы в договоре страхования, то это противоречит п. 2 ст. 931 ГК. Если под ними имеются в виду водители, не являющиеся владельцами транспортных средств, то это противоречит ст. 1 самого Закона “Об обязательном страховании”²⁵.

Существует и иной подход. Например, Б.Д. Завидов не подвергает сомнению то обстоятельство, что по полису обязательного страхования считается застрахованной ответственность “самого страхователя, иного названного в ДОС (договоре обязательного страхования - С.Д.) владельца ТС, но и других управомоченных лиц, использующих ТС”²⁶.

Действительно, если признать, что п. 2 ст. 15 Закона об ОСАГО в части распространения страховой защиты на законных владельцев, не включенных в страховой полис, не имеет юридической силы, то, во-первых, значительное число потерпевших лишится возможности получения страховой выплаты, во-вторых, появляется “лишняя” норма абз. 6 ст. 14 данного законодательного акта, согласно которой у страховщика возникает право регресса, когда страховой случай наступил по вине лица, не указанного в полисе обязательного страхования в качестве лица, допущенного к управлению транспортным средством (при заключении договора с условием использования транспорта только указанными в договоре лицами). Но в законе не бывает лишних норм.

Сложно согласиться с доводами и выводами Ю.С. Овчинниковой. Никаких оснований рассматривать п. 2 ст. 15 Закона об ОСАГО как вводящий разный режим страхования в зависимости от вида договора обязательного страхования нет. Если бы федеральный законодатель имел

желание поступить именно так, то ему ничто не мешало прямо указать, что для договоров, заключаемых с учетом положений ст. 16 данного законодательного акта, действует вариант страховой защиты только в отношении указанных в полисе лиц, а для остальных договоров - в отношении всех законных владельцев. Раз этого не сделано, то, стало быть, такой цели и не преследовалось. Что касается права регрессного требования, как бы исключаящего страховую защиту имущественных интересов лиц, не указанных в полисе ОСАГО, оформленного на условиях ограниченного использования транспортного средства по числу допущенных к управлению им, то, как мы считаем, Ю.С. Овчинникова в этом случае подменяет природу страхового правоотношения экономическими последствиями для застрахованного лица. Да, действительно, с экономической точки зрения, здесь застрахованное лицо лишено страховой защиты как механизма, в рамках которого страхователь уплачивает страховую премию в относительно невысоком размере, а взамен получает защиту, в соответствии с которой страховщик при наступлении страхового случая обязан осуществить страховую выплату, во много раз превышающую уплаченную премию. Но такие экономические последствия наступают не в силу того, что законодатель сам через наделение страховщика правом регрессного требования разрушил страховые правоотношения, а потому, что право регресса предусмотрено как гражданско-правовая санкция за то, что страхователь нарушил принцип наивысшей добросовестности и не уведомил страховую компанию об увеличении страхового риска в период действия договора страхования за счет того, что к управлению им было допущено лицо, не названное в полисе обязательного страхования.

Справедливости ради надо согласиться, что санкция эта явно чрезмерна.

Некоторые суды в данном вопросе придерживались позиции защиты интересов потерпевших. Например, Президиум Верховного суда Чувашской Республики в Постановлении от 15 июля 2005 г. по делу относительно риска Пестрикова П.В. указал, что п. 2 ст. 6 Закона об ОСАГО и ст. 9 Правил ОСАГО предусмотрен исчерпывающий перечень событий, которые не являются страховыми. В нем не указаны случаи, когда ущерб причинен по вине лица, не вписанного в полис обязательного страхования²⁷.

Аналогичный подход признали верным и специалисты Верховного суда РФ. В Обзоре судебной практики Верховного суда Российской Федерации за второй квартал 2005 г., который утвержден Президиумом ВС РФ 10 августа 2005 г.,

в ответе на вопрос № 26 было указано, что страховая сумма подлежит выплате на основании договора ОСАГО, если вред страхователю причинен в результате повреждения его автомобиля по вине управлявшего им лица, не включенного в договор обязательного страхования в качестве лица, допущенного к управлению транспортным средством, независимо от того, на каких условиях заключен договор. При этом при заключении договора обязательного страхования с ограниченным использованием транспортного средства у страховщика возникает право регрессного требования к указанному лицу в размере произведенной страховщиком страховой выплаты.

Окончательную точку в данном противостоянии мнений поставил Конституционный суд РФ, который 12 июля 2006 г. вынес определение № 377-О по жалобе гражданина Кузнецова Е.А. на нарушение его конституционных прав абз. 11 ст. 1, п. 2 ст. 15 и ст. 16 Закона об ОСАГО. В определении отмечено, что решением Ленинского районного суда города Иваново от 22 февраля 2005 г., подтвержденным судами кассационной и надзорной инстанций, заявителю было отказано в иске к ООО «Росгосстрах-Центр» о выплате страхового возмещения в связи с причинением вреда его имуществу (транспортному средству) в результате ДТП. Суд установил, что признанный виновным в причинении вреда гражданин Иванов А.В., управлявший автомобилем по выданной ему владельцем доверенности на право управления транспортным средством, не был указан в страховом полисе в качестве водителя, допущенного к управлению этим транспортным средством, при том, что договор обязательного страхования гражданской ответственности, заключенный владельцем со страховщиком, являлся договором ограниченного использования транспортного средства, содержащим условие об управлении автомобилем только указанными в страховом полисе лицами. Суд пришел к выводу, что оснований для возложения на страховую компанию обязанности по выплате страхового возмещения нет, поскольку в соответствии с Законом об ОСАГО, а именно абз. 11 ст. 1, п. 2 ст. 15 и ст. 16, Иванов А.В. не являлся лицом, риск гражданской ответственности которого застрахован по указанному договору; в подобных случаях владельцы транспортных средств возмещают вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потерпевшего, в соответствии с гражданским законодательством.

Судьи Конституционного суда РФ подчеркнули, что обязательное страхование собственниками транспортных средств риска своей гражданской ответственности является одним из ин-

ституттов, направленных на предотвращение нарушений и защиту прав третьих лиц при использовании транспортного средства его владельцем. Кроме того, по договору страхования риска ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц, может быть застрахован риск ответственности и иного лица, на которое такая ответственность возложена (п. 1 ст. 931 ГК РФ). Из этого, по мнению Конституционного суда, следует, что, вводя обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств, федеральный законодатель вправе определить лицо, чей риск гражданской ответственности в силу закона будет считаться застрахованным, - только страхователь или также и иные упоминаемые в этом законе лица.

Конституционный суд РФ, исходя из природы и характера страховых правоотношений в сфере страхования риска гражданской ответственности и учитывая, что использование транспортных средств связано с повышенной опасностью для окружающих, подтвердил, что правоотношения между несколькими владельцами одного транспортного средства предполагают и одновременное страхование рисков их гражданской ответственности. Согласно п. 2 ст. 15 Закона об ОСАГО, по договору обязательного страхования является застрахованным риск гражданской ответственности самого страхователя, иного названного в договоре обязательного страхования владельца транспортного средства, а также других использующих транспортное средство на законном основании владельцев. Из приведенного положения в системной взаимосвязи с абз. 4 ст. 1 названного закона, раскрывающим понятие «владелец транспортного средства», следует, что все владельцы, в том числе управляющие транспортным средством на основании доверенности на право управления транспортным средством, относятся к лицам, риск ответственности которых является застрахованным по договору ОСАГО. Каких-либо исключений, в частности для случаев ограниченного использования транспортных средств, это правило не предусматривает, причем наступление гражданской ответственности как самого страхователя, так и иных лиц, риск ответственности которых застрахован по договору обязательного страхования за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу потерпевших при использовании транспортного средства, в силу абз. 11 ст. 1 является страховым случаем, влекущим обязанность страховщика произвести страховую выплату. Таким образом, по смыслу п. 2 ст. 15, абз. 4 ст. 1 Закона об

ОСАГО и п. 1 ст. 931 ГК РФ владельцы транспортного средства, управляющие им на основании доверенности, являются участниками страхового правоотношения на стороне страхователя - независимо от того, указаны они в страховом полисе или нет.

Данный вывод подтверждается правилом ст. 14 Закона об ОСАГО, предусматривающим, что при заключении договора обязательного страхования с условием использования транспортного средства только указанными в договоре водителями (обязательное страхование при ограниченном использовании транспортных средств) страховщик имеет право предъявить регрессное требование к причинившему вред лицу (страхователю, иному лицу, риск ответственности которого застрахован по договору обязательного страхования) в размере произведенной страховщиком страховой выплаты, если указанное лицо не включено в договор обязательного страхования в качестве лица, допущенного к управлению транспортным средством (абз. 6 ч. 1). Это право возникает у страховщика тогда, когда страхователем не исполняется закрепленная в п. 3 ст. 16 названного федерального закона обязанность - незамедлительно сообщить страховщику о передаче управления транспортным средством водителю, не указанному в страховом полисе, и направлено на защиту его прав в случаях выплаты страхового возмещения вместо лиц, обязанность по осуществлению страховых выплат за которых он на себя не принимал. Статья 16 Закона об ОСАГО закрепляет право граждан заключать договоры обязательного страхования транспортных средств с учетом их ограниченного использования, при котором, в частности, управление транспортным средством осуществляется только указанными страхователем водителями (п. 1); при осуществлении обязательного страхования с учетом ограниченного использования транспортного средства в страховом полисе указываются водители, допущенные к управлению транспортным средством, в том числе на основании соответствующей доверенности (п. 2). Предоставляя владельцам транспортных средств возможность для наиболее выгодного, отвечающего их интересам использования института обязательного страхования гражданской ответственности, эта статья не уточняет, риск гражданской ответственности какого лица при таком использовании транспортного средства является застрахованным. Вместе с тем она не исключает действие общего положения, закрепленного в п. 2 ст. 15 указанного законодательного акта, - об определении лица, риск которого является застрахованным по договору обязательного страхования.

В результате Конституционный Суд пришел к следующему выводу: "Таким образом, взаимосвязанные положения абзаца одиннадцатого статьи 1, пункта 2 статьи 15 и статьи 16 Федерального закона "Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств" не могут рассматриваться как исключющие владельцев, использующих транспортное средство на законном основании, но не указанных в страховом полисе, из числа лиц, чей риск гражданской ответственности является застрахованным по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, и как предполагающие право страховщика отказать в осуществлении страховой выплаты при причинении такими владельцами транспортных средств вреда жизни, здоровью или имуществу потерпевших". Иное, по мнению членов высшей судебной инстанции конституционной юстиции, не только выводило бы широкий круг владельцев транспортных средств - участников дорожного движения из сферы действия Закона об ОСАГО и нарушало принцип всеобщности и обязательности страхования гражданской ответственности владельцами транспортных средств, но и не отвечало бы провозглашенным данным законодательным актом целям защиты прав потерпевших на возмещение вреда, причиненного их жизни, здоровью или имуществу при использовании транспортных средств иными лицами, создавало возможность для обхода обязательности страхования риска гражданской ответственности, приводило к отказу потерпевшим в выплате страхового возмещения на том лишь основании, что лицо, управляющее транспортным средством, не включено в страховой полис, что создавало бы неравенство, недопустимое с точки зрения принципа справедливости".

Замена застрахованного лица. В Законе об ОСАГО данный вопрос обойден молчанием, ввиду чего при его решении необходимо руководствоваться общими положениями на этот счет. ГК РФ устанавливает такое право страхователя в отношении застрахованного лица (п. 1 ст. 955 Кодекса). Соответственно, страховщик не может отказать контрагенту в замене застрахованного лица. Но поскольку данное правило введено диспозитивной нормой закона, постольку это позволяет сторонам договора страхования ответственности исключить право страхователя на замену застрахованного лица. Следует подчеркнуть, что отмена права страхователя на замену застрахованного лица соответствует интересам не только застрахованного лица, но и страховщика, так как в противном случае он может получить ситуацию увеличения степени страхового риска (ска-

жем, новое застрахованное лицо менее дисциплинированно, менее ответственно, менее квалифицированно и т.д., что повышает вероятности причинения им вреда другим лицам).

К сожалению, законом не урегулированы все последствия замены застрахованного лица. В частности, существует неопределенность в вопросе о том, может ли страховщик воспользоваться нормами ст. 959 ГК РФ при увеличении степени страхового риска из-за замены застрахованного лица. На наш взгляд, в настоящее время по формальным причинам оснований для этого не имеется, так как в п. 1 ст. 959 ГК РФ специально оговаривается, что в период действия страхового договора страхователь обязан незамедлительно сообщать страховщику о ставших ему известными *значительных изменениях в обстоятельствах, сообщенных страховщику при заключении договора*, если эти изменения могут существенно повлиять на увеличение степени страхового риска. Совершенно очевидно, что о ситуации осознанной замены страхователем застрахованного лица никак нельзя сказать “о ставших ему известными”, что при формальном толковании предполагает пассивную позицию страхователя в отношении этих обстоятельств. Затем в приведенной норме речь идет об обстоятельствах, о которых страхователь сообщил страховщику при заключении договора. Однако застрахованное лицо не может быть признано обстоятельством, так как является по своему статусу субъектом страховых правоотношений. В то же время по существу применение последствий, предусмотренных п. 2 ст. 959 ГК РФ для случаев замены застрахованного лица, является, по нашему убеждению, справедливым, так как позволило бы сбалансировать фактическое увеличение страхового риска. В этой связи предложили бы в п. 1 ст. 955 ГК РФ включить ч. 2, в которой следует закрепить применение последствий, предусмотренных п. 2 ст. 959 ГК РФ, в случае замены застрахованного лица, которая, по мнению страховщика, увеличивает степень страхового риска. В Законе об ОСАГО тоже следовало бы предусмотреть специальный повышающий коэффициент для такого рода ситуаций.

Право страхователя на замену застрахованного лица ограничено периодом времени до наступления страхового случая.

О замене застрахованного лица, указанного в полисе ОСАГО в качестве допущенного к управлению транспортным средством, страхователь должен письменно уведомить страховщика. Возможен ли иной вариант? Нет. Дело в том, что наличие такого застрахованного лица – это условие договора страхования. Замена застрахован-

ного лица означает изменение страхового договора, а в силу ст. 452 ГК РФ форма соглашения об изменении договора должна соответствовать форме самого договора. Между тем, как известно, п. 1 ст. 940 ГК РФ устанавливает для договоров страхования исключительно письменную форму. Поэтому устное требование страхователя о замене застрахованного лица не имеет юридической силы вследствие своей ничтожности, как не соответствующее императивной норме закона. Нам могут возразить в том ключе, что в ст. 452 ГК РФ речь идет о форме соглашения об изменении условий договора, а, как было указано выше, для замены застрахованного лица достаточно волеизъявления одного страхователя. Против этого довода могут быть выдвинуты следующие аргументы. Первый – заключающий договор, в котором указано третье лицо и не исключена возможность его замены, страховщик заранее дает согласие на возможное изменение соответствующего условия сделки. Поэтому при последующем волеизъявлении страхователя на замену застрахованного лица мы имеем все признаки договора, как соглашения сторон. Второй – суды применяют правила ст. 452 ГК РФ и к односторонним волеизъявлениям страхователей²⁸.

Точку зрения Ю.Б. Фогельсона, который считает, что в такой ситуации просто нет достаточных доказательств произведенной замены застрахованного лица, трудно признать бесспорной,²⁹ так как здесь, строго говоря, и доказывать нечего. Сложно согласиться и с мнением В.Ю. Абрамова, который полагает, что отсутствие письменного уведомления страховщика о предстоящей замене застрахованного лица “может повлечь за собой досрочное прекращение договора со стороны страховщика в соответствии с пунктом 3 статьи 959 ГК РФ”³⁰. Если нет письменного уведомления страхователя о замене застрахованного лица, то нет и самой замены.

¹ Худяков А.И., Худяков А.А. Страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств. СПб., 2004. С. 61.

² См.: СПС “КонсультантПлюс”.

³ См. подробнее: *Островский Е.А.* Тупиковый вариант // *Юридическая и правовая работа в страховании.* 2007. № 1. С. 127-132.

⁴ *Серебровский В.И.* Очерки советского страхового права // *Избранные труды по наследственному и страховому праву.* М., 2003. С. 364.

⁵ *Брагинский М.И.* Договор страхования. М., 2000. С. 37.

⁶ *Смирнов В.В.* Залог и страхование. Киев, 1995. С. 47.

⁷ См. подробнее: *Дедиков С.В.* Выгодоприобретатель по договорам страхования имущества // *Хозяйство и право.* 2008. № 7. С. 22-25.

⁸ *Абрамов В.Ю.* Страхование: теория и практика. М., 2007. С. 173-174.

⁹ *Серебровский В.И.* Указ. соч. С. 364.

¹⁰ *Белых В.С., Кривошеев И.В.* Страхование. М., 2001, С.38.

¹¹ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / отв. ред. О.Н. Садилов. М., 2003. С. 649-650.

¹² Гражданское право: учебник. Т. 2 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 2001. С. 499.

¹³ Страхование от А до Я / под ред. Л.И. Корчевской, К.Е. Турбиной. М., 1996. С. 103.

¹⁴ *Фогельсон Ю.Б.* Комментарий к страховому законодательству. М., 2002. С. 193.

¹⁵ *Абрамов В.Ю.* Третьи лица в страховании. М., 2003. С. 56.

¹⁶ *Худяков А.И.* Страхование. СПб., 2004. С. 283.

¹⁷ См. подробнее: *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М., 2002. С. 621.

¹⁸ *Худяков А.И.* Указ. соч. С. 287.

¹⁹ *Шихов А.К.* Страхование. М., 2003. С. 78.

²⁰ *Серебровский В.И.* Указ. соч. С. 364.

²¹ *Брагинский М.И.* Указ. соч. С. 113-117.

²² См., например: Постановление Федерального арбитражного суда (далее - ФАС) Северо-Западного округа от 16 июня 2005 г. по гражданскому делу № А26-10998/04-112. Доступ из СПС "Консультант-Плюс"; Постановление ФАС Дальневосточного

округа от 28 марта 2006 г. по гражданскому делу № Ф03-А59/06-1/863; Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 9 марта 2006 г. по гражданскому делу № Ф04-3070/2005 (20247-А27-36).

²³ *Овчинникова Ю.С.* О владельцах транспортных средств, не названных в договоре ОСАГО: застрахованы или нет? // Страхование. 2005. № 2. С. 54.

²⁴ Там же. С. 55.

²⁵ *Худяков А.И., Худяков А.А.* Указ. соч. С. 98.

²⁶ *Завидов Б.Д.* Постатейный комментарий к Федеральному закону "Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств" / под общ. ред. Б.Я. Гаврилова. М., 2004. С. 87. Судя по всему, такую же позицию занимает и В.С. Буров (см. Комментарий к Федеральному закону "Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств" / под общ. ред. М.В. Емельянова. Ростов н/Д, 2003. С. 114.

²⁷ См. также, например: Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 11 января 2006 г. по гражданскому делу № А43-6583/2005-22-157.

²⁸ См.: *Абрамов В.Ю., Дедиков С.В.* Судебно-практический комментарий к страховому законодательству. М., 2004. С. 181-182; *Дедиков С.* Право имеете, но не можете // Бизнес-Адвокат. 2001. № 17. С. 8-9.

²⁹ *Фогельсон Ю.Б.* Указ. соч. С. 194.

³⁰ *Абрамов В.Ю.* Указ. соч. С. 59.

Поступила в редакцию 06.02.2010 г.